

«Странное дело TV. Происходит некое фундаментальное социальное явление: люди взаимодействуют не с людьми, а с телевизором, и это заменяет им все, включая эмоции, собеседование, чуть ли не половое общение. Высокий процент феминисток ответили в анкете, что предпочитают вибратор мужчине – это, по их мнению, меньше унижает женское достоинство. Итак: вибратор, телевизор, видеомагнитофон. Это некое страшное знамение будущего. Помнишь, мы когда-то говорили с тобой: человек, изолированный от всех, кроме неких дающих и берущих машин» (5 сентября 1981 г.).

Предвидение Света, к сожалению, оправдалось: по сообщениям печати, всё больше подростков предпочитают компьютерные игры общению со сверстниками.

Несмотря на тяжелую болезнь, напряженную работу и достаточно скромное материальное положение, Свет сохранил привычку заботиться о близких ему людях. Он оказывал материальную помощь оставшимся в Москве падчерице и теще, присылал мне реактивы для работы, пытался организовать издание в США моей книги. По завету Гааза спешил делать добро. Остро ощущая дефицит человеческого общения, радовался письмам и телефонным звонкам из Москвы, обижался в случае их долгого отсутствия или недостаточной сердечности тона.

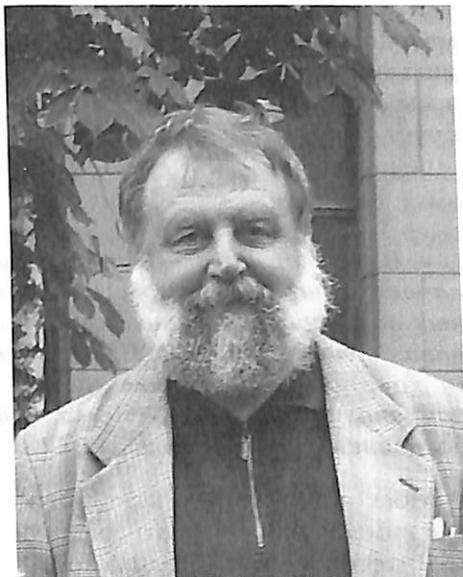
Свет был незаурядным человеком и ученым, слишком рано ушедшим из жизни. В одном из последних телефонных разговоров сказал: «Я человек веселый». Таким и остался в памяти: светлым, мужественным, умеющим быть счастливым и дарить радость другим.

Г. Я. Свет-Молдавский умер 20 апреля 1982 года. Прах его, как он пожелал, развеян в воздухе над устьем реки Гудзон, впадающей в Атлантический океан. Ученый не принадлежит какой-нибудь одной стране или одному народу. Он принадлежит Человечеству.

«НА ЛЕКЦИЯХ Я ВСЕГДА ГОВОРИЛ ТО, ЧТО СЧИТАЛ НУЖНЫМ И ПОЛЕЗНЫМ...»

(интервью Л. В. Чесновой с членом-корреспондентом РАН В. В. Малаховым)

Наш собеседник – Владимир Васильевич Малахов, заведующий кафедрой зоологии беспозвоночных биологического факультета МГУ, член-корреспондент РАН, – воплощает собой плодотворный союз науки и образования. Мировое признание и известность ему снискали фундаментальные исследования в области эволюционной морфологии животных, обоснование нового типа животного царства (*Cephalorhyncha*), разработка оригинальной концепции строения и развития вестиментифер – бескишечных беспозвоночных, обитающих в очагах подводного вулканизма в симбиозе с хемоавтотрофными бактериями, наконец, создание синтетической системы животного царства, которая охватывает эволюционную морфологию, эмбриологию, палеонтологию и молекулярную биологию. Перу Малахова принадлежат более 200 печатных работ, в том числе 10 монографий на русском и английском языках; он был удостоен премий Ленинского комсомола (1984), Д. А. Сабинина (1993) и академика А. В. Иванова (1996). Среди его непосредственных учеников – 12 кандидатов и 5 докторов биологических наук, а также 1 член-корреспондент РАН.

Историю науки Владимир Васильевич рассматривает как средство для более глубокого познания самой науки. Его удачным опытом в этой области стала увлекательно написанная история возглавляемой им кафедры (одной из старейших в Московском университете) «в лицах». Этот труд, озаглавленный строкой из стихотворения – «Пока горит свеча...», был издан в 2004 г. и пользуется большим читательским спросом. В очерках о таких легендарных личностях отечественной биологии, как К. Ф. Рулье, А. П. Богданов, А. М. Мензбир, С. А. Зернов, Н. В. Насонов, Н. Ю. Зограф, Г. А. Кожевников, Л. А. Зенкевич и многих других, автор смог выделить то основополагающее, что составляло их человеческую и научную сущность. Второе расширенное издание – «Эссе ... на тему ...» выходит в свет в этом году. Поддерживает историю науки Владимир Васильевич и организационно – он является председателем «биологического» диссертационного совета ИИЕТ и членом редколлегии ВИЕТ.

Общаясь с Владимиром Васильевичем по служебным делам, я имела возможность задавать ему вопросы, касающиеся судеб отечественной науки, форм ее преподавания и т. п. Эти беседы, несмотря на их краткость, оставили глубокие впечатления и навели на мысль взять у Владимира Васильевича полноценное интервью по вопросам реформирования отечественной науки – проблемы, которая так волнует наше научное сообщество. Встреча состоялась весной 2005 г. на возглавляемой им кафедре. Владимир Васильевич остановился на специфических особенностях развития науки в последние десятилетия существования советского государства, новых веяниях ее организации, на методологии преподавания, затронул также побудительные мотивы реорганизации науки. Мне кажется, что мысли, высказанные моим собеседником по всем вопросам, будут интересны не только историкам науки, но и широкому кругу ученых и преподавателей высшей школы.

Л. В. Чеснова

– Владимир Васильевич, давайте начнем наше интервью с актуальных вопросов, касающихся преподавания в университетах. Прежде всего хочется узнать ваше мнение о причинах разрыва союза науки и образования в университетах СССР.

Московский университет занимал и занимает особое место среди университетов и вузов Советского Союза и нынешней России. Это был один из немногих университетов, в котором наряду с преподаванием велась реальная научная работа. Кроме МГУ активным научным центром был еще Ленинградский университет. Что касается других университетов, то, как бы это ни было прискорбно, в своем большинстве в советское время они превратились в чисто учебные заведения. Разумеется, очаги науки были и в других университетах, что-то в Казанском, что-то в Ростовском, но это были именно очаги, а в целом большинство университетов стали именно тем, чем их и называли в советское время – “высшей школой”.

– Почему же так произошло?

Произошло это потому, что в СССР была создана мощная система

институтов Академии наук, которые вобрали в себя почти все научные кадры, аккумулировали почти все средства, и в них велись почти все научные исследования, причем не только по прикладным, но преимущественно и по фундаментальным проблемам.

Создание системы институтов Академии наук, несомненно, способствовало быстрому прогрессу науки в СССР, но у этого прогресса оказалась оборотная сторона. Оказалась разорванной связь науки и преподавания. И сколько бы ни говорили и в советское время и сейчас о связи Академии наук и высшей школы (кстати, термин “высшая школа” вовсе не исчез в постперестроечной России), сколько бы ни принимали постановлений, сколько бы всяких комиссий ни создавалось – дело не улучшается.

В Европе и США основная часть науки делается в университетах, причем отнюдь не в столичных. Благодаря этому университетское образование и наука тесно взаимосвязаны. В СССР в большинстве университетов эта связь оказалась утраченной, и такое положение сохраняется и в постперестроечной России.

– Чем вы объясните тот факт, что Московский и Ленинградский университеты сохранили союз науки и образования?

Московский и Ленинградский университеты сохранили эту связь благодаря тому, что сами являлись и являются мощным центром научных исследований. Большинство сотрудников на кафедрах составляют не преподаватели, а научные сотрудники. Московский университет дает значительную долю научной продукции страны, причем прежде всего в области фундаментальных исследований. В нашей стране существовал такой способ учета достижений в области фундаментальных наук, как государственная регистрация открытий. Так вот 20% всех открытий в стране было сделано в стенах Московского университета.

Особая (а на самом деле, нормальная, если судить по меркам Европы и Северной Америки) структура Московского университета позволяет вести преподавание на переднем крае науки, а студенты имеют возможность общаться с теми, кто сам делает науку. В этом важнейшее отличие настоящего университета от «высшей школы». В Московском университете студенты имеют не только возможность вести научные исследования, они обязаны это делать, причем не в рамках научных кружков или студенческих научных обществ, а по учебному плану. Курсовая работа студента в Московском университете (по крайней мере, на факультетах естественных наук) – реальная научная работа и, как правило, может быть опубликована в научном журнале. Но благодаря этим затратам выпускники МГУ – это научная элита страны. Треть членов Российской академии наук – выпускники МГУ, четверть директоров институтов РАН – выпускники МГУ.

В Московском университете сохранилась возможность неразрывно сочетать науку и преподавание. Я читал лекции в МГУ для студентов разных курсов (от первого до пятого). Уже в общем курсе «Зоологии беспозвоночных» для студентов 1-го курса я использовал и использую новейшие сведения, новейшие концепции, говорю студентам не только об устоявшихся взглядах, но и о новейших тенденциях. Студенты 4–5-го курсов слушают меня уже как коллеги, они не только задают вопросы, они полемизируют исходя из тех сведений, которые сами почерпнули из научных журналов в процессе своей исследовательской работы.

Должен сказать, что общение исследователя со студентами в процессе преподавания очень много дает и самому научному работнику. Почти все направления моей научной работы родились из преподавания. Когда читаешь лекции, остро чувствуешь, какие вопросы в твоей области науки остались нерешенными. Эти вопросы, как правило, и определяли направление моей научной работы.

Я уже не говорю о том, что все свои исследования в МГУ я осуществлял вместе со студентами. У меня никогда не было ни лаборантов, ни подчиненных сотрудников. Только благодаря тому, что я всегда был окружен группой студентов, которые работали вместе со мной и составляли маленькую, но очень эффективную лабораторию, я мог вести научную работу. Под моим руководством защитили дипломные работы более 30 человек, 12 из них стали кандидатами наук, 6 – докторами, а 1 – уже членом-корреспондентом РАН. Я как-то подсчитал, что в соавторстве со своими студентами опубликовал 121 научную работу. Это 60% моих публикаций. Я признателен талантливым студентам Московского университета,

благодаря их энтузиазму и творческому труду я смог реализовать значительную часть своих научных планов.

– Как решались проблемы доступности образования и трудоустройства студентов и выпускников МГУ в СССР и как эти проблемы решаются теперь?

Более половины студентов биологического факультета (как и других факультетов) МГУ – иногородние юноши и девушки. Ломоносовы по-прежнему идут из глубинки в Московский университет. Да и сам я когда-то приехал в МГУ с картонным чемоданчиком в руке из заводского поселка на Урале (я родился и вырос в поселке Верх-Исетского металлургического завода, в ближнем пригороде Свердловска, в семье рабочих того же завода). Я хорошо помню, как после окончания школы, купив за 12 рублей билет, приехал в Москву (до этого никогда в ней не был). Никого не расспрашивая, нашел на схеме в метро станцию «Университет», добравшись, вышел из метро и увидел высокий шпиль здания на Ленинских горах. А затем сдал вступительные экзамены и нашел свою фамилию в списке зачисленных на 1-й курс. И таких было много. В нашей комнате в общежитии жили 5 человек. Среди них – сын рабочего, сын провинциального профессора, сын учителя, сын инженера, сын лесника. И география – с Урала, Кубани, из Калмыкии, Таджикистана, из деревни в брянских лесах. Сейчас – один из них член-корреспондент РАН, два доктора и два кандидата наук. Сумеет ли новая Россия сохранить такую доступность университетского образования?

Однако доступность образования – это еще не все. МГУ давал и дает элитарное образование, готовит научных работников, исследователей. Полу-

чив такое образование, далеко не всегда имеет смысл возвращаться в свой родной город или поселок: там нет научных институтов твоего профиля. Остаться в Москве, где было сосредоточено множество научных институтов, было невозможно – в советское время действовало запрещение на прописку. Правда, существовали научные центры на периферии – во Владивостоке, в Сибири и других местах, где принимали на работу и давали жилье (пусть просто место в общежитии). Оттуда способный молодой человек мог начать свою научную карьеру.

А вот сейчас проблема трудоустройства выпускников МГУ усложнилась. Провинциальные институты не имеют больше жилья, нет даже общежитий. И вот оказывается, что молодой человек, потратив 5 лет на напряженную учебу и получив уникальное образование, не может найти применение своим силам. Возвращаться в свой родной город не имеет смысла, там нет института соответствующего профиля. Запрета на прописку в Москве больше нет, но ведь жилья у московских институтов нет. Нет жилья для приезжих молодых специалистов и в провинциальных научных центрах. А зарплата в науке и образовании такова, что снимать жилье, пусть даже самую маленькую комнату, на нее, невозможно ни в Москве, ни во Владивостоке. Что же остается молодому человеку, если он не москвич? Уезжать за границу. В советское время это было невозможно, а сейчас – пожалуйста. Вот и уезжают выпускники МГУ, наши Ломоносовы, в Западную Европу и Северную Америку.

Многие гордятся этим, ведь это означает, что диплом Московского университета высоко ценится в других странах. На мой взгляд, гордиться здесь особенно нечем. Наша небога-

тая страна тратит немалые средства на подготовку высококлассных специалистов. А потом эти специалисты вносят вклад в науку и образование других стран, которые не затратили на их подготовку ни одной копейки (точнее, ни единого цента). Современный мировой порядок оказывается выгодным для США и других западных стран. Я бы назвал эту ситуацию интеллектуальным паразитизмом.

В Московском университете утечка выпускников выглядит особенно заметной. Даже 10-летие окончания МГУ выпускники биофака конца 80-х – начала 90-х гг. отмечали не в Москве, а в Бостоне, – просто потому, что за океаном их оказалось больше, чем осталось в России. Для меня как для преподавателя, работающего в МГУ, в России и для России – это очень досадно. Я думаю, что это еще одно свидетельство того, что наука и образование в России нуждаются в реформировании и приведении в соответствие с потребностями и возможностями общества.

– Вы вплотную подошли к актуальной проблеме сегодняшнего дня – проблеме реформирования науки. Хотелось бы узнать вашу позицию по этому вопросу.

Это очень болезненный вопрос, и я предполагаю, что моя точка зрения не всем понравится. Отечественная наука нуждается в реформировании, причем эта реформа не только назрела, она давно и почти безнадежно перезрела. На мой взгляд, реформирование советской науки стало необходимо уже в 70-е гг. XX в. До конца 1960-х – начала 1970-х гг. наука в СССР быстро росла количественно. Открывались новые институты, создавались новые научные центры в Сибири, на Дальнем Востоке. Этот рост закончился в начале 1970-х гг.,

когда стал затрудненным приток новых кадров в науку просто потому, что не было свободных мест. В 1970–1980-е гг. выпускник МГУ считал большой удачей, если ему удавалось найти место лаборанта в академическом институте. А потом его ожидала очень медленная (если не было влиятельных родственников) карьера. Многие уже после защиты кандидатской диссертации годами работали на лаборантских должностях, до самой пенсии оставались младшими научными сотрудниками. Я помню, что в 1980-е гг. при очередной проверке Зоологического института выяснилось, что средний возраст младших научных сотрудников в нем – 59 лет, а старших – 69.

Дело, конечно, не в возрасте, а в том, что в советской науке так и не был выработан механизм цивилизованного обновления научных кадров. С этой проблемой сталкивались многие страны, они искали и находили более или менее приемлемые решения. В СССР и в России так и не было выработано механизмов, которые могли бы противодействовать, если можно так выразиться, «загниванию» науки.

Элементы «загнивания» советской науки выражались и в слабой связи с потребностями страны. Я твердо убежден, что наука должна быть полезна, она должна производить продукт, который востребован обществом. На науку должен быть социальный заказ. Но ведь 1970–1980-е гг. не зря называют застоём. Руководство страны не стремилось к реальному обновлению производственной базы страны, поэтому наука все больше отходила от потребностей общества, замыкалась на себя, отчасти выполняла в обществе декоративные функции (разумеется, это относится не ко всем отраслям науки, но к биологии – отношению). В результате и финансирова-

ние науки происходило вне связи с реальным научным продуктом, выделялась какая-то сумма из бюджета (по остаточному принципу), и эта сумма не соответствовала ни потребностям науки, ни ее реальной экономической отдаче.

Отсутствие разумной кадровой политики, слабая связь с производством и недостаточное, а главное нецелевое финансирование привели к тому, что уже в 1980-е гг. наметилось отставание отечественной науки от мировой. А в 1990-е гг. по понятным причинам это отставание приняло обвальнй характер.

Вы, вероятно, помните, что в 1997 г. была предпринята попытка реформирования науки. В правительстве России был даже назначен ответственный за это реформирование по фамилии Булгак (к сожалению, не помню его инициалов, но это – известный человек, до науки он реформировал почту и связь). Было предложено оценивать работу лабораторий и институтов по индексу цитирования тех журналов, в которых публикуются статьи их сотрудников (так называемому «импакт-фактору»). Надо отметить, что критерий этот реально используется в западном науковедении, правда, только как один из множества показателей научной эффективности. Реформа эта не состоялась... Конечно, такая односторонняя реформа с применением только одного критерия не могла привести к хорошему результату, а поскольку она еще неизбежно вызвала бы обострение социальной напряженности (ведь предполагалось распустить оказавшиеся аутсайдерами лаборатории и институты), то от нее с легким сердцем отказались.

Но проблема реформирования науки осталась. Общество должно решить, какая наука ему нужна. Наука должна быть приведена в соответст-

вие с потребностями и с возможностями общества. Я осмелюсь высказать «крамольную» мысль: без реформирования науки даже увеличение ее финансирования (на чем все время настаивают работники науки) не принесет желаемых результатов.

Научные работники обычно считают, что неправильно было бы отдавать реформу науки в руки одних только чиновников госаппарата, – не работая в науке, они не знают ее проблем. Но также неправильно было бы отдавать реформирование науки в руки самих ученых, и вот почему. Вот я – зоолог, и если вы попросите меня отреформировать науку, я предложу какой-то вариант, но в нем обязательно сохранится Зоологический институт. А если вы предложите сделать это, скажем, физику-акустику, он обязательно сохранит и усилит Акустический институт.

Как же быть, есть ли выход из этой ситуации? Надо подойти к вопросу, используя достижения современной экономической науки, социологии и науковедения.

В процессе реформирования науки надо учитывать опыт других стран, прежде всего опыт стран Западной Европы. Они занимались реформированием науки в 50–60-е гг. в несравненно более благоприятных условиях, но тем не менее их достижения и их ошибки, плюсы и минусы могут быть нам полезны при выработке своей программы.

И еще, мне не кажется, что реформу надо проводить в пожарном порядке, быстро хорошо не получится. Это задача на несколько лет. Жаль, конечно, что с реформой так долго тянули, но быстрое реформирование помимо массы ошибочных решений породит и острейшие социальные проблемы. Очень печально, что проект реформирования науки готовится келейно. Многие подозревают, что

реальная суть закона о реформировании академической науки может оказаться направленной не на повышение эффективности российской науки, а на то, чтобы получить возможности легально отторгать у Академии наук земельную собственность и недвижимость, которые интересуют «алчную толпу, стоящую у трона», гораздо больше, чем наука и все реформы, вместе взятые.

– Не считаете ли вы, что «продукт науки» не соответствует потребностям общества, не вызывает у него особого интереса, не покупается из-за нищенского финансирования науки, а также из-за весьма негативного отношения к ученым – производителям этого продукта?

Вы правы, во многих случаях продукт науки не соответствует запросам общества, об этом я только что говорил. Общество развивается на новых принципах, пусть медленно, уродливо, но это рыночные принципы. А наука остается «социалистической». Роль науки обществу сейчас даже менее понятна, чем, например, роль образования.

Выход один – научные институты должны работать по заказу правительства или частных организаций. Частные организации, наверное, будут заинтересованы в прикладных исследованиях. А вот государство должно определить, какие отрасли науки нужны стране сейчас, через 10 и через 50 лет, и сохранить и развивать эти отрасли и соответствующие им институты.

Мне представляется, что для нашей страны подошел бы такой вариант, при котором наука существовала бы в виде двух основных блоков (я заранее хочу подчеркнуть, что рассуждаю здесь как дилетант, хотя эта проблема меня так волнует, что не могу удержаться).

Первый блок – это университетская наука, тесно связанная с образованием. Центров университетской науки должно быть не два (Московский и Санкт-Петербургский), но и не 70–80, а может быть 10–12 ведущих университетов и связанных с ними вузов, имеющих право присваивать степень магистра. Университетская наука, как это принято во всем мире, относительно слабо контролируется государством, ее существование как бы «оправдывается» подготовкой высококвалифицированных кадров. Финансирование этой науки осуществляется за счет бюджетов университетов, за счет платного обучения, а также – за счет грантов и участия в целевых правительственных программах, заказах фирм, спонсорской помощи из различных фондов и от частных лиц.

Второй блок – это чисто научные институты, напрямую не связанные с образованием. Эта система может быть сходной с системой институтов Академии наук, но должна быть более компактной и эффективной. Такие чисто научные институты должны работать под жестким государственным контролем, как в отношении тематики, так и в отношении уровня исследований. Тематика этих исследований должна быть определена государством исходя из его интересов (экономических, социальных, геополитических и др.). Эти институты должны финансироваться преимущественно за счет целевых государственных программ, и только частично – за счет грантов, фондов и других источников. Институт может быть закрыт и перепрофилирован, если государство считает, что разрабатываемое им направление потеряло актуальность, но институт должен быть абсолютно защищен от того, чтобы быть объявлен банкротом или выставлен на торги, как какое-нибудь АО или ТОО.

Необходимой составляющей науки должна быть система независимых экспертов, оценивающей деятельность институтов, лабораторий, научный уровень проектов и результатов выполнения программ. Откуда брать таких экспертов? Из числа членов Академии наук, если ее состав на деле будет формироваться из ведущих ученых.

– Как вы оцениваете введение в финансирование отечественной науки в 1990-х гг. системы грантов? Способствует ли это интенсификации исследований?

На мой взгляд, обязательно должна существовать система научных фондов, дающих гранты на научные исследования. Эта система должна включать как государственные (наподобие РФФИ или РГНФ), так и негосударственные фонды. Эти фонды важны не только как источник дополнительного финансирования, но и как система, обеспечивающая гибкость науки, быстрое переключение на наиболее перспективные направления.

Говоря о системе грантов, следует отметить, что в ней есть и положительные, и отрицательные стороны. Положительное состоит в том, что финансирование получает непосредственно исследователь, а не администратор. И при этом, конечно, в случае объективного и беспристрастного конкурса заявок (что бывает не всегда, и не только в России) финансирование приходит к тому, кто реально вносит вклад в науку.

Система грантов обеспечивает определенную гибкость науки. Ведь в научных коллективах существует своего рода инерция. Представьте себе такую обычную ситуацию. Когда-то давно под руководством крупного ученого были достигнуты

выдающиеся результаты. Прошло время, а коллектив все работает в том же направлении, при этом говорят о традиции, о научной школе и т. п., а мировая наука уже давно идет в другом направлении. Гранты могут поддержать исследователя, который решил пойти актуальным для современной науки путем, хотя и вразрез с традициями того коллектива, в состав которого он формально входит.

Одна из проблем отечественной системы грантов состоит в их недостаточных размерах. В моей области науки средний размер гранта – около 100–150 тыс. рублей в год. Грант дается на 3 года, т. е. получается 300–450 тыс. руб. Это 10–15 тыс. долларов США. Давно известно, что стоимость исследований, которые можно опубликовать в хорошем международном журнале по биологии, составляет около 30–40 тыс. долларов. Таким образом, грант составляет только 30–50% суммы, необходимой для выполнения исследований, которые можно было бы представить на суд международного научного сообщества. Есть еще и проблема крайне низких зарплат научных работников. Из-за этого значительная часть грантовых денег перекачивается (вполне легально, это не запрещено) в зарплату, так что на научные исследования идет только часть суммы гранта. Откуда брать остальные средства? Приходится кооперироваться с зарубежными партнерами, часть работы делать за границей, используя «мощности» зарубежного партнера. Хорошо, если интересы отечественных и зарубежных партнеров совпадают, а если – не совсем? Известно ведь, что «кто платит, тот и заказывает музыку». Так что иной раз получается, что исследования отечественных ученых в России де-факто направляются из-за рубежа.

– Как вы относитесь к исследованиям по истории биологии и, если сказать шире, по истории науки вообще? Используете ли вы их в своей преподавательской и научной деятельности?

Ответ на этот вопрос известен, он был дан выдающимся российским историком В. О. Ключевским: «История учит даже тех, кто у нее не учится: она проучивает их за невежество и пренебрежение». Я считаю, что знание основы истории своей отрасли науки входит в состав необходимого background'a научного работника. Наука – это часть жизни общества, и развивается она по тем же законам, что и общество в целом. Знание истории науки позволяет видеть место своего направления в общем потоке исследований.

Мне всегда не хватало знаний по истории науки, я жадно читал, все что находил. Я чувствую, что знание прошлых этапов развития науки позволяет как-то предвидеть наиболее актуальные пути развития науки в будущем. Сейчас я даже ввел на кафедре курс истории зоологии для старшекурсников.

– Чувствовалась ли вами определенная противоречивость той обстановки, которая была в науке и в образовании в 1980-е гг.? С одной стороны, наука более или менее сносно финансировалась, а с другой – существовал идеологический прессинг. Как вы лично переживали это противоречие?

Что касается идеологического прессинга, то напрямую он не ощущался. Я приступил к своей преподавательской деятельности в середине 1970-х гг., когда биология освободилась от гнета идеологии. Ушла в прошлое «мичуринская биология». Поэтому мне не пришлось испытать ка-

кого-то давления идеологических установок на содержание моих лекций по зоологии беспозвоночных. На лекциях я всегда говорил то, что считал нужным и полезным для студентов, и не ощущал ни цензуры, ни самоцензуры. Может быть, это было особенно сильно Московского университета. Мои зарубежные коллеги, наслышанные о жестких идеологических рамках советской системы, даже не верили мне, когда я говорил, что никакого контроля за содержанием лекций я никогда не чувствовал.

Идеологическое давление ощущалось, скорее, в кадровой структуре науки и образования, которая следовала общим принципам советской системы. Часто на руководящие должности в университете назначались люди, не являющиеся ни ведущими учеными, ни хорошими преподавателями. Вот и нашей кафедрой в течение 15 лет заведовал человек, репутация которого как исследователя и как лектора была крайне низкой. Студенты возмущались его безграмотными лекциями, они не молчали, неоднократно обращались в администрацию и партком, требуя удалить безграмотного лектора. Однако эти требования оставались без ответа. Этот человек проявил себя и как крайне бездарный администратор. Однако в традициях советской кадровой системы человека, один раз занявшего определенный пост, нельзя было снять с поста за профессиональную непригодность. Когда такой человек, как говорится, «заваливал дело», его обычно просто переводили на другую, такую же должность.

Я хотел бы сказать, что в нашей науке, к сожалению, сохраняется разрыв между званиями, должностями, премиями и т. п. регалиями, с одной стороны, и реальной научной репутацией – с другой. Часто званий, наград и высоких должностей удо-

стаиваются люди вовсе не прославленные в науке. А ведь научное общество всегда очень точно оценивает ранг ученого и крайне болезненно реагирует на незаслуженно полученные звания и должности. В любом научном коллективе очень точно знают, кто на какой ступеньке лестницы неофициальной научной иерархии стоит, и, увы, эта неофициальная лестница, как правило, вовсе не совпадает с иерархией должностей и званий. Я хочу подчеркнуть, что это явление обладает громадной деморализующей силой. Разумеется, в той или иной мере это явление было свойственно человеческому обществу всегда и везде. «Чины людям даются, а люди могут обмануть-

ся». В 1970–1980-е гг. это явление в нашей стране приобрело совершенно неприличные размеры, и последствия его не изжиты до сих пор. Наверное, придет то время, когда профессорами будут избираться только настоящие ученые и выдающиеся лекторы, а академиками – действительно только те, кто, как записано в уставе Российской академии наук, «обогастил науку первоклассными научными трудами». Это время придет... «жаль только, жить в эту пору прекрасную, уж не придется ни мне, ни тебе».

– Владимир Васильевич, большое спасибо вам за интересное и актуальное интервью!

350

лет со дня рождения Э. Галлея (29.X.1656–14.I.1742), английского астронома и геофизика, члена Лондонского Королевского о-ва (1678). Род. в Хаггерстоне (недалеко от Лондона). Учился в Оксфордском ун-те, с 1703 был там же профессором математики, в 1720 стал директором Гринвичской обсерватории. Составил первый телескопический каталог звезд южного неба (1676–1678), открыл первую периодическую комету, получившую его имя (1682), и предсказал ее возвращение в 1758, а также собственное движение звезд (1718) и новые возмущения в движении Луны и планет (1720–1738). В результате экспедиций в 1698–1700 составил первую детальную геомагнитную карту (1701). На собственные средства впервые издал «Математические начала натуральной философии» И. Ньютона, перевел с арабского и издал математические труды Аполлония Пергского (1710).

275

лет со дня рождения Г. Кавендиша (10.X.1731–24.II.1810), английского физика и химика, члена Лондонского Королевского о-ва (1760). Род. в Ницце. Окончил Кембриджский ун-т (1753). Основные работы Кавендиша были выполнены в области химии газов и экспериментальной физики. Он получил в чистом виде водород и углекислый газ и изучил их свойства (1766), определил состав воздуха (1781), сжигая водород, установил химический состав воды (1784). С помощью электрической искры получил окислы азота и исследовал их свойства (1785).

Большинство физических трудов Кавендиша было опубликовано через много лет после его смерти. Он ввел в науку понятие электрического потенциала, исследовал зависимость емкости электрического конденсатора от среды, изучал взаимодействие электрических зарядов, предвосхитив закон Кулона, впервые сформулировал понятие теплоемкости. Его именем названа физическая лаборатория в Кембридже, организованная в 1871.

150

лет со дня рождения С.Н. Виноградского (1(13).IX.1856–24.II.1953), русского микробиолога, чл.-корр. Петербургской АН (1894, с 1923 – почетный член Российской АН). Род. в Киеве. Окончил Петербургский ун-т (1881), в 1885–1891 находился в научной командировке во Франции и Швейцарии. В 1891–1912 заведующий отделом общей микробиологии Ин-та экспериментальной медицины в Петербурге. Активно участвовал в организации Русского микробиологического о-ва (1903) и первые 2 года был его председателем. В 1922 уехал во Францию и до конца жизни руководил Агробактериологическим отделом Пастеровского ин-та под Парижем.

Виноградский впервые доказал существование микроорганизмов-аэрогексидантов, получающих энергию в результате окисления неорганических веществ. Образующаяся при этом энергия используется на ассимиляцию углекислого газа или карбонатов; основанный на этом процесс усвоения углекислого газа получил название хемосинтеза. В 1893 он также